

S T U D I A H I S T O R I C A

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

В. Я. ПЕТРУХИН

«РУСЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ»

Аспекты исторических взаимосвязей:
Историко-археологические очерки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 94.47
ББК 63.3(2)41Я73
П 31

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Рецензенты:
канд. ист. наук А. А. Турилов; д-р ист. наук А. В. Чернецов

Петрухин В. Я.

П 31 «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 384 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0288-7

В монографии рассматривается широкий спектр культурных взаимосвязей формирующегося древнерусского этноса (руси) с окружающим миром и народами («языками»), начиная с проблем древнейших отношений балтославянской общности с финно-угорским миром и кончая проблемой отношения русских к иным «языкам» в средневековый период. Взаимосвязи с народами, обитающими в разных областях Евразии, — варягами, хазарами и евреями, протоболгарами, уграми-венграми и зауральской югрой — исследуются как в сфере материальной культуры и искусства, так и в области книжных и фольклорных сюжетов, мифа и обряда.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использован фрагмент иконы XVI в.
«Страшный суд. “Нечестивые народы”»,
из костела свв. Козьмы и Дамиана
(Луков-Венеция, северо-запад Словакии)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0288-7

© В. Я. Петрухин, 2011
© Языки славянских культур, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
1. <i>Введение. «Русь, чудь и вси языци»</i>	11

I. Предыстория

2. Женидьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян в Восточной Европе	21
3. Существовал ли миф о небесной охоте в карело-финской мифологии?	27
4. Апостол Андрей и новгородская баня	36

II. Историческое пространство

5. История пространства и пространство истории	40
6. Перейти Дунай: славянская история и обряды перехода	48
7. Варяги и «предел Симов»	54
8. Трансконтинентальные связи древней Руси и поход Святослава на хазар	60

III. Русь и викинги — Восток и Запад

9. <i>Викинги</i> на западе и <i>русь</i> на востоке: в чем различие?	67
10. Похороны руса. Погребения знати эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии	73

11. Варяжская женщина на Востоке:
жена, рабыня или «валькирия»? 90

IV. Начальная история русской государственной власти в контексте межэтнических связей

12. Репрезентация власти русского князя в древнейший период:
Ибн Фадлан о власти русского князя
и хазарская традиция 101
13. Русские князья и дружина в IX — начале XI вв.:
социальная терминология и этнические связи 112
14. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и
русский княжеский род 119

V. Начальное летописание: историческая идентификация

15. История славян и Руси в контексте библейской традиции:
миф и история в «Повести временных лет» 127
16. Пространство и время киевской легенды 147
17. «Преступиша сынове Хамови на землю Сифову»:
об одной «ошибке» в «Повести временных лет» 157

VI. Выбор веры в Восточной и Северной Европе

18. «Запона» с «судищем Господним»:
к интерпретации текста Начальной летописи 162
19. Олав Трюггвасон и проблемы русско-византийских
отношений в период крещения Руси 171
20. Обычай «вторичного» погребения и христианизация
языческих правителей в Северной и Восточной Европе:
от Саттон-Ху до Киева 176

VII. Язычество в древнерусской книжности

21. Были ли «русичи» Дажьбожьими внуками? 182
22. Древнерусский пантеон: итоги и перспективы
междисциплинарных исследований 192
23. «Праздник» в средневековой Руси:
к проблеме исторической специфики 200

24. Проводы Перуна: древнерусский «фольклор»
и византийская традиция 209

VIII. Иные «языцы», миграции и генеалогии: от угров до Югры

25. Венгры и русь в Поднепровье 216
26. Югра: начало взаимодействия славянского и
финно-угорского миров 222
27. Русь из Пруссии: реанимация историографического мифа. . . 230
28. О «рассеянии» мораван: из комментария
к новому изданию трактата Константина Багрянородного
«Об управлении империей» 236
29. Хазарская дань и славяне: к истории
тюрко-славянских отношений в Восточной Европе в IX в. . . . 240
30. К дискуссии о евреях в древней Руси:
национальный романтизм и «улыбка чеширского кота». . . . 249

IX. Дохристианское искусство в евразийском контексте

31. Подвиги Геракла и священный брак: к истории
изобразительных сюжетов «варварского искусства»
в I-м тыс. н. э. 256
32. О скандинавских изобразительных традициях
в древнерусском искусстве 265
33. Болгарские амулеты в виде конников:
евразийский контекст 277

X. Древние традиции в русской историографии

34. Гостомysl: к истории книжного персонажа. 288
35. В. Н. Татищев: историографический нарратив —
вымысел и реконструкция 295

XI. Перед судом Божиим

36. О «нечестивых» народах на Страшном суде:
эсхатологический и иконографический мотив. 302
37. О древнерусских стереотипах в культуре:
отношение к иноверцам и инородцам. 311

<i>Указатель этнонимов</i>	321
<i>Указатель имен</i>	324
<i>Источники и литература</i>	332

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга основывается на статьях и заметках, опубликованных автором в 1976—2010 гг., отчасти в малодоступных российскому читателю зарубежных изданиях; статьи доработаны автором в соответствии с общим замыслом книги — обнаружить свидетельства и механизмы этнокультурного взаимодействия Руси с миром Восточной Европы и Евразии. Рассматривается широкий спектр культурных взаимосвязей формирующегося древнерусского этноса (руси) с окружающим миром и народами («языками»), начиная с проблем древнейших отношений балто-славянской общности с финно-угорским миром и кончая проблемой отношения русских к иным «языкам» в средневековый период. Взаимосвязи с народами, обитающими в разных областях Евразии, — варягами, хазарами и евреями, протоболгарами, уграми (венграми) и зауральской югрой — исследуются как в сфере материальной культуры и искусства, так и в области книжных и фольклорных сюжетов, мифа и обряда. Книга поделена на разделы со сплошной нумерацией статей, снабжена внутренними отсылками на разделы и статьи, общим списком литературы.

В своих изысканиях автор пользовался неизменной поддержкой старшего коллеги академика Г. Г. Литаврина (1925—2009), содействовал изданию этой книги С. О. Шмидт. Книга дорабатывалась при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» проекты «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем средневековье (VIII—X вв.)» и «“Народное христианство” и библейская космогония: к происхождению славянских дуалистических легенд».

1. ВВЕДЕНИЕ. «Русь, чудь и вси языци»

Разыскания составителя «Повести временных лет» по начальной истории славян в лишенном погодных дат космографическом введении к летописи не имели чисто книжного «академического» значения. Ведь главным вопросом летописи, сформулированным в ее заглавии, был вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Летописец знал из дошедших до него преданий, что само имя *русь* имеет варяжское (скандинавское) происхождение и «изначальная» русь была призвана вместе с варяжскими князьями в Новгород. Но язык, на котором составлялась летопись и на котором говорили современные летописцу русские люди, был славянским, тем самым, на который перевели Священные книги славянские первоучители Кирилл/Константин и Мефодий. Летописец констатировал: «А словеньский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене» [ПВЛ: 16]. В книге имя *русь* как обозначение дружины и формирующейся этнической общности будет писаться со строчной буквы, имя *Русь* как обозначение страны — с прописной.

Причислив современную ему русь к словенскому языку, летописец включил ее в славянскую общность народов, населяющих Европу от Дуная до Варяжского (Балтийского) моря и Новгородчины. Но историческим центром славянской общности для летописца оставался Дунай, так как там, в Моравии, учили Кирилл и Мефодий и там, в Иллирике, провинции Римской империи («от Иерусалима до Иллирика»), согласно христианской традиции (Римл. XV. 19) учил еще апостол Павел. «Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел» [Там же]. Эта тема равноправия Руси как христианской державы с другими странами оставалась актуальной на протяжении всего

средневекового периода: еще Иван Грозный ссылался на легенду об Андрее Первозванном (см. I.4) как на свидетельство одновременного распространения христианства на Руси и в Риме.

Летописное изыскание о начале христианства и книжной культуры у славян главный исследователь русских летописных сводов А. А. Шахматов [Шахматов, 1940: 80—92] возводил к предполагаемому западнославянскому (моравскому) «Сказанию о преложении книг на словенский язык», посвященному миссии Кирилла и Мефодия и сохранившемуся в составе «Повести временных лет». Каковы бы ни были источники летописи, это изыскание повлияло на дальнейшую работу летописца и на направление поисков места начальной *руси* среди «исторических» народов.

Главным образцом и источником для построения картины мира средневековых книжников оставалась Библия с ее преданием о расселении потомков сыновей Ноя и «Таблицей народов» (Бытие X). Начальная летопись использовала основанные на той же традиции греческие хронографы — Хронику Малалы (в древнерусском переводе — в составе т. н. Хронографа по Великому изложению, согласно А. А. Шахматову) и Хронику Георгия Амартола: но ни в Библии, ни в «Таблице народов» греческого хронографа не было упоминаний ни славян, ни руси. Здесь-то и понадобились приведенные ранее построения: используя Хронику Амартола, где перечисляются полуночные и западные страны в «Афетовом колене», летописец помещает словен вслед за упоминанием Иллирика [ПВЛ: 7] — ведь в этой римской провинции учил Павел, эту область, по свидетельствам латинских авторов, «захватили у ромеев» славяне еще в VII в. [Свод, II: 355]. В соседней провинции — Паннонии, напоминает далее летописец, епископом был уже другой апостол — Андроник, а его «наместником» на паннонской кафедре стал первоучитель славян Мефодий. При описании славянского расселения после вавилонского столпотворения, летописец отождествляет славян с жителями соседней с Иллириком и Паннонией римской провинции — Норика: «*нарци*, еже суть словени». Норик расположен к северо-западу от Паннонии в предальпийской области, там, где на крайнем пределе славянского расселения в Каринтии жили словенцы — летописные хорутане. Неясно, каким источником пользовался в этом случае летописец, но уроженец Паннонии Мартин Бракарский еще в VI в. при перечислении народов, испытавших влияние христианства, помещает славян (*склавоу*) перед жителями Норика (*Nara*: [Там же, I: 358—358]). Очевидно, легенды о происхождении христианства у славян стали известны Нестору благодаря кирилло-мефодиевской традиции, определявшей место славян во всемирной истории и всемирной империи — Риме.

Ситуация с *русью* была гораздо сложнее. Во-первых, русь обитала в той части «полуножных стран», которая не была описана у Амартола — этногеография Восточной Европы к северу от «Сарматии» и «Скифии» описана самим русским летописцем. Во-вторых, начальная *русь* не принадлежала «словенскому языку». Поэтому летописец помещает ее среди прочих неславянских народов Восточной Европы: «В Афетове же части седять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, мордъва, заволочская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, летѣгола, любь» [ПВЛ: 8]. Русь не случайно оказывается рядом с *чудью*: в широком смысле так назывались в древнерусской традиции все неславянские — «чужие» народы севера Восточной Европы, в узком — прибалтийско-финские племена Эстонии; эта чюдъ, согласно летописи, «приседит» к «морю Варяжскому» вместе с ляхами-поляками и *пруссам*, западнобалтским народом, а сама русь имеет варяжское происхождение. Тут же среди варягов помещает ее уже второй раз летописец: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь». Далее следуют «агняне, галичане, волхъва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» [Там же].

Этот список, на первый взгляд, представляет собой простое перечисление северо- и западноевропейских этниконов, известных летописцу: от варягов до итальянцев — венецианцев и фрягов-генуэзцев. Более того, явной несообразностью в цитируемом фрагменте кажется повторение имени *русь* — сначала среди восточноевропейских, затем среди северноевропейских народов. Это давало повод для бесконечных «уличений» летописца в тенденциозном сочинительстве и вставках в более раннюю и «достоверную» летопись: якобы русь он вставил в перечень варяжских народов потому, что ему стала известна легенда о призвании варягов-руси, в то время как «исконная» русь обитала в Восточной Европе, и т. д., и т. п.

При внимательном чтении мы уже сейчас можем убедиться, что не только русь упомянута в космографическом введении к «Повести временных лет» дважды. Дважды упомянута и *вольхва*, достаточно точно помещенная между галичанами — галлами (уэльсцами?) и римлянами, жителями Рима¹: это те самые франки — волохи, которые, как говорится далее, «нашедши на словени на дунайския» и сели среди них, творя насилие [Там же]. Такими же «находниками» впоследствии изображает летописец и варяжскую русь в Восточной Европе,

¹ В средние века римлянами в широком смысле — «ромеями» — признавались граждане Восточной Римской империи (Византии), именем *Romanus* стали обозначать, в том числе во франкской традиции, собственно жителей Рима [Geary 2003: 141].

среди славянских и финно-угорских племен. Здесь же, кстати, становится ясно, почему для обозначения франков летописец использовал архаичный этникон *волохи*: франками — фрягами в его времена называли уже гетуэцев, упомянутых в списке вслед за венецианцами и завершающих перечень волошских народов. Да и собственно *словене* получают двойную идентификацию — они обретаются в области Иллирика, но отождествляются с нарцами.

Сама структура списка этнонимов позволяет усмотреть некую иерархию в перечислении народов: варяги — это не отдельный народ, а общее наименование всех скандинавских племен, которые и перечислены следом — свеи-шведы, урмане-норвежцы (норманны), готы-готландцы; завершает список русь. Далее следуют агняне-англы, которые, казалось бы, уже не относятся к скандинавским народам. Однако далее, в легенде о призвании варяжских князей, летописец включает и англов в число варягов. Возможно, это отражало знания о политической ситуации в Западной Европе, когда Англия сначала входила в состав государства датского конунга Кнута Великого, а затем была завоевана норманнами Вильгельма, герцога Нормандии, в 1066 г. Скорее летописец использовал здесь упомянутое «Сказание о преложении книг на словенский язык», которое воздействовало и на еврейскую хронику второй половины X в. «Книгу Иосиппон», помещавшую русь рядом с англами и саксами, живущими «на великом море». Это совпадение с Иосиппоном тем более разительно, что еврейский хронограф также упоминал русь дважды в своей таблице народов: один раз на море рядом с англами, другой — на реке «Кива», в которой исследователи справедливо видят наименование Киева, перенесенное на реку Днепр, ср. [Петрухин 1995: 25—35; Рашковский 2009].

Это совпадение данных еврейского хронографа и русской летописи интересно не только тем, что обнаруживает реальные основы предания о варяжском происхождении руси, но и тем, что позволяет отчетливо представить себе структуру летописного повествования. Образцом для обеих хроник была библейская Таблица народов. Ср. синодальный перевод (Бытие, X):

1. «Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети.

2. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас.

3. Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма.

4. Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим.

5. От сих заселились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

Иосиппон прямо следовал библейской таблице, отождествив Мешех с саксами, а соседних Фирас (Тирас) — с русью; славяне, как и в большинстве раннесредневековых традиций, отнесены к «сынам» другого потомка Иафета — Доданим — и размещены на Дунае от Болгарии до Венеции и на севере до саксов. Летописец упоминал лишь трех сыновей Ноя, распределив между ними, вслед за Хроникой Амартола, все известные ему земли и языки. Но и летопись, и Иосиппон, и вся средневековая историография (ср. [Мильников 1996]: об отождествлении Мосоха/Мешеха с Москвой и т. д.) следовали структуре библейской таблицы: имя народа (языка) называлось сначала в числе первых потомков трех сыновей Ноя, затем повторялось в начале перечня следующего поколения; дальнейшее изложение было уже не «генеалогическим», а историко-географическим, о том, где «заселились» потомки Ноя в «народах своих». Так находят объяснение повторы имен руси, словен и волхвы в генеалогическом и конкретном историко-географическом значении.

Понятной становится и структура самих списков народов: возглавляет этот список этникон, обозначающий группу родственных народов. Таковы варяги в начале списка варяжских народов, а также «чудь и вси языци» — слова, предворяющие список неславянских народов Восточной Европы: сам этникон *чудь* и был обобщающим, относящимся ко всем «чужим» народам. В русской Начальной летописи этим общим названием именовались неславянские народы, платившие дань Русскому государству, прежде всего — финно-угорские народы. Это наименование прочно удерживалось в русской фольклорной традиции: в былине «Как Добрыня чудь покорил», вошедшей в «Сборник Кириши Данилова» — самое раннее собрание фольклорных текстов (XVIII в.), говорится о том, как богатырь «вырубил чудь белоглазую, прекротил сорочину долгополую (сарацин), а и тех черкас петигорских, и тех калмыков с татарами» — вплоть до чукчей и аляutorцев, жителей Чукотки (ср. в последней главке — о Страшном суде). Эта фольклорная традиция обнаруживает тот же механизм, что и раннеисторическая книжная — условное племенное название, этникон, переносится на новые народы по мере расселения или государственного освоения новых территорий. Интересно, что в преданиях Русского Севера покоренная чудь ушла под землю — исчезновение автохтонного народа воспроизводит, таким образом, инвертированный этногенетический миф о появлении автохтонов прямо из своей земли.

В летописном повествовании варяги сидят по морю к западу до «земле Агнянски и до Волошьски» (ср. II.7). Значит, список народов Западной Европы открывает *волхва*. Мы уже выяснили, что волохи